

УДК 323.2

АНАТОМИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА*

Ю. П. Шабаетв

Институт языка, литературы и истории
ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения РАН»,
Российская Федерация, 167982, Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26

Современный мир, несмотря на процессы глобализации, остается и будет оставаться культурно мозаичным и неоднородным. Культурная отличительность накладывается на экономические и социальные различия, что позволяет воспринимать и трактовать глубокие различия в социальном и экономическом положении разных культурных групп не как проблему, требующую согласованных действий для ее решения, а как повод для противостояния с государством и другими группами, целью которого является отстаивание узкогрупповых интересов. Хотя, конечно, помимо сугубо рациональной основы, которая приводит к противостоянию групп и порождает межгрупповую конкуренцию и конфликты, нередко присутствуют и иррациональные, мифологизированные мотивы. Культурная сложность и динамичность современного мира, столкновения групповых интересов сделали межгрупповые конфликты неизбежными, а значительная их часть характеризуется исследователями как этнополитические конфликты. Таких конфликтов множество, и носят они самый разнообразный характер. Отсюда возникает обоснованный интерес исследователей к анализу побудительных причин этнополитических конфликтов, к этапам их протекания, типологии конфликтов и способам урегулирования. Поскольку межэтническая конфликтность является общемировой проблемой, а сами они нередко приобретают крайне ожесточенный характер и даже форму гражданских войн, постольку их описанию и анализу посвящено большое количество работ. Обширную литературу об этнических конфликтах не раз с той или иной степенью успеха пытались обобщить различные авторы. Но рецензируемый труд, на наш взгляд, несомненно, выделяется на фоне всех этих попыток своей фундаментальностью.

Действительно, и объем, и географические рамки анализа, и уровень аналитического осмысления всех аспектов, связанных с возникновением, эскалацией этнических конфликтов, способами их урегулирования, отличаются основательностью и глубиной и опираются на максимально возможное привлечение

* Рец. на книгу: Ачкасов В. А., Абалян А. И., Андреев А. А., Никифоров А. А. Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст / отв. ред. В. А. Ачкасов, А. И. Абалян. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 640 с.

имеющихся отечественных и зарубежных исследований, анализ конкретных конфликтных ситуаций в форме case-study, их критическое осмысление.

Работа состоит из шести глав, каждая фактически представляет собой насыщенный материалами и аналитикой самостоятельное исследование. Огромный объем проанализированного авторами материала просто не позволяет рассмотреть в краткой публикации все достоинства работы, а также вступать в полемику с авторами. Впрочем, необходимость в полемике в данном случае минимальна. Поэтому остановимся только на некоторых доводах и заключениях авторов, представляющихся нам существенно значимыми. В числе таковых выделяются рассуждения о сущности и типологии этнополитических конфликтов, проблемы этнической мобилизации и политизации этничности, этнического насилия, анализ этнополитических конфликтов, имевших место на территории России.

Общим местом в этнополитической литературе является утверждение, что этнический конфликт есть разновидность социальных конфликтов, в которых хотя бы одна из сторон организована по этническому принципу, а стимулом для его возникновения является политизация этничности. Сама же «этническая гетерогенность, — как замечают авторы, — является предиктом этнического конфликта» (с. 58). При этом авторы соглашаются с теми экспертами, которые при анализе этнополитических конфликтов используют объяснительную модель U-изгиба, согласно которой там, где этническая неоднородность невелика, и, наоборот, там, где она очень значительна, уровень потенциальной этнической конфликтности является пониженным. Действительно, если рассмотреть для примера Финляндию, где финны составляют более 90% населения, а шведы — культурно значимая группа (часть финской интеллигенции старшего поколения до сих пор утверждает, что «культура пришла к нам из Швеции»), но это лишь около 5% (во время вхождения Финляндии в состав Российской империи шведы составляли пятую часть населения), то сама *финляндская нация* строилась после обретения Великим княжеством Финляндским независимости как двуединая, а потому шведский язык получил статус государственного в 1919 г. и в обязательном порядке изучается во всех финских школах до сих пор (хотя на востоке страны шведы практически не живут). Каких-либо трений между двумя этими группами до недавних пор не наблюдалось. Наладить взаимодействие и взаимопонимание между немногими группами в рамках демократически организованных обществ легче, чем между более многочисленными, особенно если культурные границы между ними значительны. Но в Индии, где проживает больше 600 этнических групп (не считая списочных меньшинств) и где официально празднуются индуистские, буддистские, мусульманские, христианские, сикхские праздники, государственное единство сохраняется, несмотря на имеющиеся противоречия между группами и многочисленные пророчества прежних лет о неизбежности распада страны. В условиях значительной культурной фрагментации этнические меньшинства видят в государстве своего естественного союзника и главного арбитра в спорах с иноэтничными соседями, а необходимость в сильной государственной власти осознается большинством представителей меньшинств, что цементирует государственные устои. При-

чиной роста этнонационалистических настроений является не сама культурная неоднородность, а ситуации, при которых его подпитывают различные формы прямой или косвенной эксплуатации меньшинств, их приниженный статус, т. е. когда мультиэтничные общества «бывают вертикально разделенными» (с. 60). Вместе с тем опыт раздела Кипра и не вполне легитимного распада СССР, казалось бы, ставит под сомнение модель U-изгиба. Но в обоих названных случаях причиной распада страны стала изначально неверно выбранная модель этнополитики, которая опиралась не на гражданское строительство, а на неоправданное огосударствление и институционализацию этничности.

Говоря о консенсусных институциональных системах и политических практиках, авторы монографии солидаризируются с теми исследователями, которые отмечают, что названные системы успешно работают только там, где велика степень терпимости элит, наличествует умение улаживать конфликты мирным путем и находить компромиссы. Но здесь же верно указано, что «нет общего, идеального решения для всех мультиэтнических и мультикультурных стран» (с. 63).

При этом авторы, опираясь на конкретные материалы, справедливо замечают, что роль этничности в бедных и богатых странах различается.

Особое внимание в анализе этнополитической конфликтности уделено политизации этничности, ибо политизированные этнические идентичности являются потенциально опасными, как сказано в работе. Важную роль в политизации идентичностей играет формирование как образа жертвы, в качестве которой выступает этническая группа, претендующая на изменение своего положения в государстве, так и образа врага, в качестве которого может выступать другая группа или группы, а также государство. Приводятся многочисленные примеры, подтверждающие указанные доводы. Важное замечание касается того, что при анализе этнополитических конфликтов исследователи должны избегать искажения содержания конфликтов, ибо образ жертвы нередко целенаправленно формируется и пропагандируется одной из его сторон и выдается за первопричину межэтнического противостояния, хотя за этим противостоянием могут прятаться политические амбиции и политические/экономические интересы стороны, провоцирующей конфликт, но позиционирующей себя как ее «жертву».

В качестве жертвы могут выступать как меньшинства, так и этническое большинство (как это имеет место в Малайзии, Латвии, Эстонии).

Важное место при анализе сущности этнополитических конфликтов в рецензируемом труде занимает проблема этнического насилия. Особую роль в возникновении и эскалации конфликтов и проявлении насилия играет конкуренция за ресурсы и доступ к власти, но при этом этнополитические конфликты являются не только следствием экономического и политического неравенства групп, но и «конфликтами идентичностей». Конфликты нередко актуализируют этнические идентичности, а в ходе конфликтного противостояния имеет место конкуренция ценностей «своих» и «чужих», причем эти ценности не только актуализируются, но и нередко активно конструируются элитами, равно как ими же мифологизируется образ «других». В этой связи весьма важным кажется следующее замечание авторов монографии: «...Этнополитический конфликт — это

не только вооруженное или политико-правовое противостояние, но и конфликт интеллектуальный, конфликт различных вариантов идентичностей, историософий, исторических нарративов и культурных символов и т. д., который практически всегда предшествует открытому противостоянию» (с. 105).

Протекание этнических конфликтов может быть достаточно кратковременным или длительным, а может носить и «циклическую природу». Более того, важное замечание касается того, что этнические конфликты приобретают «особую остроту», если они имеют территориальный характер. Но помимо этого, по мнению исследователей, «крайне значимым фактором является и внешнее геополитическое влияние на стороны конфликта» (с. 132), с чем мы можем согласиться, опираясь на собственный опыт анализа конфликтных ситуаций в «финно-угорских регионах России» [Тишков, Шабает, 2007].

Рассматривая базовые теоретические интерпретации этнополитического конфликта, авторы оценивают различные «дилеммы безопасности», разработанные западными исследователями, а также факторы, провоцирующие эскалацию этнических чисток, осуществляемых сторонами конфликта в случаях, когда насилие и открытое противостояние сторон приобретает характер межэтнических и межрасовых столкновений, нередко выливающих в итоге в гражданские и межгосударственные войны. Представляется также немаловажным указанием на то, что попытки «защитить» свою культурную группу от «других», отстоять ее интересы, культурные границы, статус и идентичность, которые сопровождаются этническими чистками на «исконных территориях» данной конкретной группы, а равно и другими формами этнического насилия, не могут обойтись без уничижительного маркирования «представителей исключаемых из моральной общности групп», а поддержка подобного маркирования представителями «борющейся за свои права» группы является весьма важным конфликтогенным фактором. «Таким образом, — замечают исследователи, — дегуманизация группы формирует общественный консенсус по отношению к ней, легитимизирует ее поражение в правах как “справедливое” и даже как “естественное”».

Ключевым здесь является периодическая коллективная дегуманизация одновременно с призывом к устранению, очищению сообщества-нации от представителей группы: «“очистить тело нации”, “удалить опухоль”, “раздавить гадину” и прочее» (с. 209–210). При этом авторы справедливо указывают, что связь между языком вражды и насилием не является прямой, но, безусловно, оказывает влияние на практики насилия, что подтверждается многочисленными конкретными случаями.

Нам представляется также весьма важным обращение авторов к анализу уровня образования и образовательных практик, которые в многосоставных обществах способны оказывать серьезное влияние на формирование и укоренение в общественных настроениях языка вражды. В работе выделяются следующие причины, согласно которым уровень образования способен негативно влиять на межгрупповое взаимодействие: «Во-первых, в ходе образовательного процесса могут подчеркиваться этнические различия, а учебные программы — усиливать антипатию представителей разных общин и групп. Во-вторых,

фрустрация и невозможность реализовать завышенные ожидания потенциально повышают агрессию. В-третьих, образование является прямым источником конкуренции за желаемые и дефицитные ресурсы. В-четвертых, образование влияет на доступ к ресурсам, необходимым в процессе этнической мобилизации» (с. 217). Все указанные причины действительно значимы и в российской действительности работают на производство и воспроизводство латентной конфликтности, символического противостояния между группами, особенно в республиках, где региональные элиты упорно делят территориальные сообщества на «коренной народ» и «некоренное население», а этнический фаворитизм находит отражение в республиканских программах этнокультурного образования (хотя сам термин «этнокультурное образование» не имеет официального признания), местных учебниках истории и методических разработках к курсам обществознания и краеведения [Шабаев, 2020].

Конечно, в большинстве случаев власти многосоставных государств и этнических федераций стремятся к оптимизации отношений между культурными группами и между ними и государством. Но предпринимаемые для этого меры, которые изначально казались правильными и необходимыми, часто не выдерживают проверку временем. Так произошло с теми моделями мультикультурной политики, которые стали братья на вооружение демократическими странами Запада с начала 1970-х годов. Поэтому в последние годы мы наблюдаем кризис мультикультурализма, признанный официально. В России государство пошло по пути унификации избирательного законодательства и запрета на создание этнических партий, полагая, что ставит тем самым барьер на пути распространения узкогрупповых этнических интересов и актуализации границ между этническими группами. Но политические практики, по поводу которых сказано выше, без труда преодолевают попытки вольно или невольно углублять культурные дистанции между этническими группами, поскольку региональные модели этнополитики не строятся на идее формирования интегрированных региональных сообществ. А унификация избирательного законодательства, по сути, напрочь отвергла найденные на местах успешные модели поддержания политического баланса между группами, к которым, в частности, относится практика этнополитического консенсуса, выработанная в свое время в Дагестане. То же самое можно сказать и по поводу Ассамблеи коренных малочисленных народов, созданной в Думе ХМАО, выборы депутатов в состав которой проходили по единому избирательному округу, объединившему всю территорию ХМАО. Попытка формировать Ассамблею по определенной федеральным законодательством нарезке избирательных округов практически похоронила успешно функционировавший институт политического представительства коренных малочисленных народов Севера, который, на наш взгляд, являлся более продуманным, чем так называемые саамские парламенты в странах Скандинавии и Финляндии. В этой связи можно только солидаризироваться с авторами, высказавшими сомнения в том, что запрет на создание этнических партий способствует нормализации межэтнических отношений.

Весьма критично оценивается в монографии концепция «морозильной камеры», с помощью которой исследователи пытаются объяснить всплеск эт-

нических конфликтов в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. И действительно, как версальская система, так и советская практика размежевания народов и их «самоопределения» навязывались сверху, а не являлись следствием активной и длительной борьбы народов за собственную государственность. Да и самих актов самоопределения (в форме референдумов) не было ни в новообразованных странах Восточной Европы, ни в Балтии, ни на Кавказе, ни в Советской России. В одном случае все решали страны-победители в Первой мировой войне, в другом — новая советская элита и «институт размежевания» — Наркомнац. В обоих случаях имели место не очень удачные попытки совместить этнические и административные/политические границы и очевидное стремление к огосударствлению этничности. Тем самым был заложен фундамент для будущих конфликтов, ибо многие десятилетия культивирования этнических отличий и политического маркирования этнических границ не могли пройти бесследно. Конфликты не были «заморожены» и версальской, и советской системой, они ими были «выращены» и предопределены. Но в постсоветский период действительно произошла существенная актуализация этничности, и авторы правы в том, что существенный вклад в этот процесс внесли этнические предприниматели.

Далее авторы рассматривают причины, которые кроются в «сочетании нескольких мотивов: это и чувство ущемленности, разочарование и страх за утрату ценностей и социального статуса, и угроза групповым интересам и т. д.» (с. 291). Безусловно, привлекает внимание полный и подробный анализ стимулов этнической мобилизации, включая такие механизмы, как фреймирование, политика идентичности, конструирование этнических традиций и «мобилизация “народности”», политизация и институционализация этнического/национального наследия, «этническое очищение».

Что касается анализа этнополитических конфликтов в Российской Федерации и на постсоветском пространстве, то они рассмотрены достаточно подробно в соответствующей главе. Но нам представляется, что наиболее важное замечание, касающееся российской этнополитики, было сделано в начале авторских рассуждений: «...Долговременным следствием большевистской национальной политики и “политики коренизации” стало то, что в национальных автономиях России так и не сформировались территориальные сообщества, объединенные гражданской солидарностью, общими ценностями и интересами...» (с. 47). Здесь можно полностью солидаризироваться с авторами монографии, ибо то же самое приходится заявлять в статьях, учебных пособиях и монографиях [Шабает, Садохин, 2014] уже много лет, ибо кардинальных изменений в практиках региональной этнополитики не происходит, хотя на федеральном уровне интеграционная модель этнополитики закреплена доктринально. Более того, на всем постсоветском пространстве произошла не «весна народов», а весна этнического национализма, который нередко приобретает форму конституционного национализма и официально одобряемой политики исключения [Тишков, Шабает, 2019], подпитываемой клановостью и некими вариантами современного трайбализма. Формирования гражданских наций и политики гражданской интеграции, основанной на идеях паритета между гражданином

и государством, а также гражданского равенства и справедливости, нигде на этом пространстве не наблюдается, ибо большевистская доктрина этнического национализма глубоко усвоена элитами постсоветских государств, а равно и российскими региональными элитами.

Что касается конкретного рассмотрения этнических конфликтов, имевших место или все еще являющихся неурегулированными в России и на постсоветском пространстве, то авторы концентрируют свое внимание на тех кризисных явлениях, которые больше всего привлекают внимание исследователей и последствия которых оказывают серьезное влияние на внутреннюю политику и общественные настроения: это конфликты в Чечне, Абхазии, Южной Осетии, на Юго-Востоке Украины, в Эстонии и Латвии, осетино-ингушский конфликт и другие. С одной стороны, подобный подход объясним, но с другой — сам характер издания и анализ, представленный в предыдущих главах, заставляет читателя ожидать более развернутого анализа конфликтов в России и, к примеру, в странах Балтии. Что касается российских реалий, то тут, несомненно, было бы полезно дать более широкую панораму конфликтных ситуаций на Северном Кавказе, включая попытки разделения Кабарды и Балкарии, трений внутри Карачаево-Черкесии, Адыгеи, ситуации в Дагестане. А хорошим подспорьем для более широкого анализа конфликтов, имеющих место в указанном регионе, могли бы стать аналитические материалы и ежегодные доклады Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), другие мониторинговые исследования. Что касается Балтии, то здесь для российского экспертного сообщества был бы полезен более глубокий анализ проблемы интеграции, которая имеет несколько измерений. Противостояние между русскоязычной частью населения стран Балтии и государством, новыми элитами не приобретает острых форм по многим причинам, но одна из них, как представляется, кроется в том, что русскоязычное население голосовало в большинстве своем за независимость этих стран. А голосовало оно по причине того, что значительная его часть глубоко интегрирована в местный социум, восприняло его традиции и не случайно в свое время некоторые исследователи называли балтийских русских «еврорусскими». Сами же власти стран Балтии тоже заявляют о своем стремлении формировать интегрированные сообщества в этих государствах. Однако, к примеру, эстонская официальная программа интеграции не выдерживает серьезной критики, поскольку основу ее составляет языковое просвещение не титульного населения, но не создание условий для взаимного сближения этнических общин, не интегрированное нациестроительство.

Тем не менее хочется еще раз отметить, что издание рецензируемой монографии есть важное событие в отечественной этнополитологии, ибо она дает в руки российского экспертного сообщества прекрасный материал для понимания причин возникновения и эскалации этнических конфликтов, путей их разрешения и урегулирования. Более того, на наш взгляд, она должна стать настольной книгой конфликтологов, политологов и этнополитологов, а равно и политических менеджеров, ответственных за реализацию государственной национальной политики как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Литература

Тишков В. А., Шабает Ю. П. Финно-угорская проблема: ответ Евросоюзу // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 196. М.: ИЭА, 2007. 31 с.

Тишков В. А., Шабает Ю. П. Этнополитология. Политические функции этничности. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Московского университета, 2019. 416 с.

Шабает Ю. П., Садохин А. П. Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. М.: Директ-Медиа, 2014. 409 с.

Шабает Ю. П. Российская многонациональность/многокультурность в курсе гуманитарной подготовки учащихся российской системы образования: учеб.-метод. справ. М.: Изд-во РГГУ, 2020. 308 с.

Шабает Юрий Петрович — д-р ист. наук, ст. науч. сотр.; yupshabaev@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 14 ноября 2021 г.;

рекомендована в печать: 26 ноября 2021 г.

Для цитирования: Шабает Ю. П. Анатомия этнополитического конфликта // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18, № 1. С. 108–115.

<https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.107>

THE ANATOMY OF THE ETHNOPOLITICAL CONFLICT*

Yuri P. Shabaev

Institute of Language, Literature and History Federal Research Center Komi Science Center of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences, 26, Kommunisticheskaia ul., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; yupshabaev@mail.ru

References

Shabaev Yu. P. *Russian multinationality / multiculturalism in the course of humanitarian training of students of the Russian education system. Educational and methodical reference book*. Moscow: RGGU Publishing House, 2020. 308 p. (In Russian)

Shabaev Yu. P., Sadokhin A. P. *Regional nationalism: an expert analysis of the ideology of ethnic movements of the Finno-Ugric peoples of Russia*. Moscow: Direct-Media Publ., 2014. 409 p. (In Russian)

Tishkov V. A., Shabaev Yu. P. *Ethnopolitology. Political functions of ethnicity*. 3rd ed., rev. and add. Moscow: Moscow University Press, 2019. 416 p. (In Russian)

Tishkov V. A., Shabaev Yu. P. The Finno-Ugric problem: A response to the European Union. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii*, no. 196. Moscow: IEA Publ., 2007. 31 p. (In Russian)

Received: November 14, 2021

Accepted: November 26, 2021

For citation: Shabaev Yu. P. The anatomy of the ethno-political conflict. *Political Expertise: POLITEX*, 2022, vol. 18, no. 1, pp. 108–115. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.107> (In Russian)

* Book review: Achkasov V. A., Abalyan A. I., Andreev A. A., Nikiforov A. A. *Ethnopolitical conflicts and mobilization in the modern world: post-soviet context*, ed. by V. A. Achkasov, A. I. Abalyan. St Petersburg: Publishing house of the RKhGA, 2021. 640 p.